

Предисловие

Настоящая книга базируется на архивных и полевых материалах, собранных участниками проекта при деятельном участии аспирантки факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге М.В. Хаккарайнен, которая, работая в 1998 и 1999 годах в селе Марково над собственной темой, оказала нам большую помощь в сборе материалов.

Мы собирали полевой материал (преимущественно интервью) в трех поселках — Русском Устье, Походске и Маркове. Первые несколько интервью по данной теме были записаны Н.Б. Вахтиным до начала проекта, в 1993 году в Русском Устье и Походске и в 1996 году в Анадыре. Осенью 1998 года Е.В. Головкин работал семь недель в Якутске, Чокурдахе и Черском, в том числе в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), архиве Якутского научного центра СО РАН и в местных архивах; в 1999 году Е.В. Головкин и П. Швайцгер продолжили работу в Якутске, Черском, Чокурдахе, Русском Устье и Походске, где провели еще полтора месяца, работая как с местными жителями, так и в упомянутых выше архивах. Летом 1998 года Н.Б. Вахтин и М.В. Хаккарайнен провели семь недель в Маркове, а также в Анадыре, где изучали архивные материалы; в 1999 году М.В. Хаккарайнен продолжала сбор материала в Маркове, а Н.Б. Вахтин работал в Хабаровском краевом архиве.

Всего было опрошено 102 человека, как местных жителей, так и приезжих. Размеры записанных от разных людей интервью, естественно, различаются: от коротких бесед со случайными по-

путчиками до продолжительных, часто неоднократных интервью. По возрасту информанты распределяются следующим образом: 16–25 лет — 11 человек, 26–35 лет — 22, 36–45 лет — 31, 46–55 лет — 10, 56–65 лет — 17, 66 и выше лет — 8, а также три человека (случайные попутчики) неизвестного возраста. По полу: 63 женщины и 39 мужчин. По месту записи: Анадырь — 7 интервью, Марково — 32, Походск — 11, Русское Устье — 12, Чокурдах — 12, Черский — 21, Якутск — 2, а также по пути из Русского Устья в Чокурдах — 4, из Черского в Походск — 1.

По этическим соображениям мы сочли необходимым не только не называть имен и фамилий наших информантов, но и не давать сокращений и индексов, по которым в этих небольших общностях можно легко «вычислить» того или иного человека. Максимальная информация, которую мы позволили себе дать о каждом информанте, — это его *пол, год рождения и место записи интервью* или разговора. Все ссылки на информантов в тексте книги сделаны следующим образом: первая буква означает *пол (м/ж)*, следующие две цифры — *год рождения* (без первых двух цифр, т.е. 67 вместо 1967), следующие две буквы — *место записи*. Сокращения мест записи: *АН* — интервью записано в Анадыре, *МК* — в Марково, *ПХ* — в Походске, *РУ* — в Русском Устье, *РЧ* — по пути из Русского Устья в Чокурдах, *ЧК* — в Чокурдахе, *ЧП* — по пути из Черского в Походск, *ЧР* — в Черском, *ЯК* — в Якутске. Например, *м 55 ЧР*: «Мужчина, 1955 года рождения, интервью записано в Черском»; *ж ?? РЧ*: «Женщина, возраст неизвестен, интервью записано по пути из Русского Устья в Чокурдах».

В некоторых случаях мы приводим не только ответы информантов, но и вопросы собирателей. Эти вопросы даются также в виде прямой речи, как правило, с указанием, кто именно их задавал: *В* — Н.Б. Вахтин, *Г* — Е.В. Головкин, *Ш* — П. Швайцгер, *Х* — М.В. Хаккарайнен.

Авторы выражают свою искреннюю признательность всем, кто помогал им в сборе полевых материалов, прежде всего — жителям поселков Русское Устье, Походск, Марково, Чокурдах и Черский, а также города Анадырь, щедро поделившимся с нами своим временем и уникальными знаниями. Авторы благодарны также: директору Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Василию Афанасьевичу Роббеку и сотрудникам этого инс-

титута Алексею Гавриловичу Чикачеву и Сардане Ивановне Шаринной, научному сотруднику Института языка, литературы и истории АН Республики Саха (Якутия) Екатерине Назаровне Романовой, главе администрации Нижнеколымского улуса Александру Николаевичу Шарину, главе администрации Аллаиховского улуса Семёну Николаевичу Рожину, руководителю культурного центра «Этнос» (пос. Черский) Пелагее Николаевне Ермолаевой, главе администрации села Походск Ивану Павловичу Суздалову, жителям села Походск Михаилу Павловичу Суздалову и Ивану Николаевичу Березкину, главе администрации Алексею Васильевичу Киселеву и секретарю администрации села Русское Устье Ольге Владимировне Банщиковой, сотрудникам Анадырского педагогического училища Александру Николаевичу Рудченко, Маргарите Павловне Лыткиной, Людмиле Яковлевне Пещанской; журналисту Петру Меркеру, главе администрации села Марково Виктору Ивановичу Созыкину, директору марковской школы Марии Васильевне Слепцовой, главврачу марковской больницы Константину Ивановичу Елисееву, а также жительнице села Марково Фаине Яковлевне Кирыхомцевой за неоценимую помощь в организации работы.

Эта книга не могла бы появиться без деятельной помощи Пирса Витебского, директора антропологического отдела Scott Polar Research Institute в Кембридже, где Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки летом 2000 года работали над первым вариантом рукописи. Там же мы получили бесценную для любого североведа возможность пользоваться прекрасно подобранной библиотекой Института; сотруднику этой библиотеки Изабелле Уоррен, ответственной за комплектацию русских книг, — наша особая признательность.

Особой благодарности заслуживает также Westcott College, Кембридж, гостеприимство которого и идеальные условия для работы позволили работать над этой книгой не только эффективно, но и с удовольствием.

Неоценимую помощь авторы получили от рецензентов этой книги И.И. Крупника (Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Washington D.C.), О.А. Мурашко (Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова) и С.А. Штыркова (факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге), отношение которых к своим обязанностям было далеко от формального.

Наконец, на самом последнем этапе подготовки этой книги чрезвычайно полезным для авторов стало участие в ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации, проходившей в ноябре 2002 года в Новом Орлеане. Доклады и дискуссия, состоявшиеся на заседании секции «Creole Identities? The Predicaments of Mixed Communities in the Circumpolar North», которая была организована П. Швайтцером, позволили взглянуть на обсуждаемую в книге проблему в более широком контексте.

Введение

В 1899 году член Императорского географического общества В.П. Маргаритов писал о Камчатке и ее обитателях: «Что касается до особенностей одежды, обуви, домашней утвари и пр., [то] желающему коллекционировать этнографические предметы Камчатки пришлось бы собирать предметы всевозможных образцов и типов, представляющих смесь предмета, употребляемого северными дикарями и культурным народом, не исключая японцев и американцев» (Маргаритов 1899: 125).

Другими словами, уже в конце XIX века было ясно, что на Камчатке невозможно найти «чистую традицию»: коренные народы не слишком упорствовали в своей приверженности «традиционным» одежде, обуви или орудиям в том виде, в каком они получили их от предков. Напротив, как только появлялась возможность заменить привычный предмет на лучший, более удобный, более функциональный, коренные жители, будучи нормальными практичными людьми, всегда охотно на это шли.

Ситуация знакома и современному исследователю северных районов. Точно такое же впечатление получает сегодня человек, впервые зашедший в эвенский чум или чукотскую ярангу: предметы, облик которых не менялся сотни лет, соседствуют с фабричным табуретом, посудой, клеенкой, ведрами, радиоприемником. меховая одежда мирно уживается с резиновыми сапогами. Оленье мясо — с хлебом. Да и мировоззрение сегодняшних коренных жителей Севера тоже представляет собой причудливую и очень любопытную смесь.

Показательно, что процитированная выше книга Маргаритова опубликована больше ста лет назад — в год, когда В.Г. Богораз

в качестве сотрудника Джесуповской экспедиции еще только собирался ехать к чукчам. Из этой экспедиции Богораз через три года привезет замечательное, уникальное описание *традиционного* быта и культуры чукчей, ставшее этнографической классикой¹. Это описание оказалось возможным, несмотря на то что по соседству с чукчами, примерно в 300 км к югу, в северных районах Камчатки, обитали народы, традиционный быт которых уже подвергся значительному влиянию русских и американцев.

Сегодня то, что писал сто лет назад Маргаритов о камчадалах, становится верным для других северных народов, включая и чукчей — носителей одной из самых устойчивых культур Севера: их культуры подвергаются значительным изменениям. Не следует ли отсюда, что изучение *современного* состояния камчадалов и представителей других аналогичных культур, демонстрировавших явные признаки смешения уже в конце XIX века, сможет пролить некоторый свет на *будущее* других культур, в которых признаки такого смешения заметны сегодня? Конечно, прямой зависимости здесь не может быть — и тем не менее, подобно тому как в каком-то смысле прошлое камчадалов (а с ними и чуванцев, индигирцев, колымчан) — это настоящее чукчей, настоящее камчадалов может оказаться будущим чукчей (а с ними и коряков, эвенов, ненцев). А попытка заглянуть в будущее слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться — даже если опыт показывает, что подобные попытки не удаются никогда.

Задачей данной книги является описание некоторых форм этнического самосознания (*ethnic identity*), которые появились в результате прихода русских в Восточную Сибирь и образования там групп так называемых *русских старожилов*, т.е. потомков людей, пришедших 350–200 лет тому назад на новые для них

¹ Это описание (Bogoraz 1904–1909) отражало, видимо, действительно традиционное, т.е. еще не подвергнувшееся значительному влиянию европейцев, состояние чукотской культуры. Ср. следующее мнение одного из исследователей побережья Арктики, работавшего там в 1909 году: «Сравнивая описания старинных русских путешественников с нашими

наблюдениями, мы невольно приходили к заключению, что форма их (чукчей. — Авт.) быта уже лет полтора тому назад существенно не отличалась от настоящей и что чукчи настоящего времени, при всех изменениях материальной культуры, очень мало отличаются от чукчей времен путешествия Биллингса» (Толмачев 1911: 99–100).

земли, смешавшихся с местным коренным населением и осевших там.

Эти группы представляли собой цепь арктических и субарктических поселений, располагавшихся главным образом в дельтах крупных сибирских рек: Обь, Енисей, Анабар, Оленек, Лена, Яна, Индигирка, Колыма; на Таймыре, а также в некоторых районах по побережью Тихого океана (среднее течение Анадыря, Камчатский полуостров, устья рек Гижига, Охота, Яна (около Магадана) и др. (см.: Каменецкая 1986б). Эти северные группы существенно отличались от старожильческих поселений южных районов Сибири и Дальнего Востока, которые объединяли земледелие и скотоводство с охотой, рыболовством и иногда оленеводством (см., например: Александров 1964; Русские старожилы 1973; Липинская 1996; Люцидарская 1992; Этнография 1969; Русские Сибири 1998). В природных условиях Южной Сибири могли существовать крупные русские поселения, и возможно было сохранение традиционного для русских типа хозяйства. Напротив, северные старожильческие группы всегда селились небольшими анклавами в условиях, не приспособленных для земледелия, в окружении различных, но всегда численно превосходящих групп коренных жителей. Условия тайги и тундры требовали других хозяйственных моделей (оседлое рыболовство, охота, трапперство) и заимствования элементов материальной и духовной культуры у соседей — коренного населения этих районов.

Старожильческие группы в течение долгого времени выпадали как из сферы внимания государства, так и из области интересов исследователей: не являясь ни «приезжими», ни «коренными народами», они как бы провалились в щель между двумя сферами интересов науки и государства. В частности, на них не распространялись ни решения государства о поддержке коренного населения Севера, ни льготы, которые государство предоставляло более поздним русским переселенцам. Это промежуточное положение между «коренными народами» и приезжими русскими сказалось и на самосознании старожилков, которое на протяжении XIX—XX веков претерпело ряд интересных изменений.

Старожильческие группы интересующего нас типа сформировались, видимо, к середине XVIII века (за исключением марковцев — см. ниже). Группы обосновались по берегам рек Северо-Восточной Сибири; в научной литературе и официальных документах

эти группы, как правило, так и именовались — по названиям рек, вдоль которых они селились: *анадырщики*² (среднее течение реки Анадырь на Чукотке), *гижигинцы* (устье реки Гижига на Северо-Западной Камчатке), *колымчане* (нижнее и среднее течение реки Колыма), *индигиришки* (нижнее и среднее течение Индигирки), *устьянские* (устье реки Яна), *ангарские* (река Ангара), *ленские* (река Лена) и другие. Основные населенные пункты на северо-востоке Сибири, в которых в XVIII–XX веках было сосредоточено старожильческое население, — это поселки *Русское Устье* на Индигирке и *Походск* на Колыме (основаны в конце XVII века³), *Нижнеколымск* (1644), *Среднеколымск* (1643); *Верхнеколымск* (1640), *Колымское*, *Черский* (бывш. Нижние Кресты) — на Колыме; *Анадырский острог* (1649); *Марково* (1840-е); *Усть-Белая* (1890) — на Анадыре; *Гижига*, или *Гижигинск* (1753) — на Гижиге; *Ола*, *Пенжино* (1650-е) и другие поселения камчадалов — на северной Камчатке; и многие другие.

Общности, которые в русской традиции именуется старожильческими, имеют аналоги как по всему циркумполярному региону, так и в других частях света. Однако не существует единой терминологии для обозначения таких групп. На арктическом Севере для их обозначения наряду с названием «старожилы» используются (или использовались) и другие: «метисы» (*Métis*) — в северной Канаде, «поселенцы» (*Settlers*) — на Лабрадоре, а также «креолы» (*Creoles*) — во времена существования Русской Америки. В других частях света «креолы», «метисы» (*Mestizo*) и другие подобные наименования использовались в отношении смешанных групп, появившихся в результате колониальной экспансии. Хотя в первоначальном английском варианте этой работы мы использовали термин «креольские общности» (*Creole communities*), в данной книге мы пользуемся названиями «старожильческое население» и «смешанные группы» в качестве синонимичных нейтральных описательных наименований⁴.

² Это слово (так же, как *индигиришки*) представляет собой традиционное самоназвание, в настоящее время вышедшее из употребления. Однако, поскольку эти названия постоянно встречаются в исторической и этнографической литературе, посвященной данному региону, мы сочли возможным использовать их на протя-

жении всей книги без специальных помет.

³ О существующих разногласиях по поводу даты основания Русского Устья см. Главу 1.

⁴ В литературе на русском языке, как правило, отделяют старожильческие группы от смешанного населения; к последнему, в частности, относят

Наши русскоязычные информанты вряд ли согласились бы с названием «креолы» и были бы правы, хотя в последнее время и раздаются голоса в пользу расширенного применения этого термина (см., например: Hannerz 1987, 1996; Jackson 1989; Parkin 1993). Название «креолы» продолжает восприниматься как исторически и географически ограниченное, применимое прежде всего к обществам, возникшим в Вест-Индии на территориях, где существовали плантации и рабовладение (см.: Abrahams 1983; Brathwaite 1971; Creolization 2000; Trouillot 2002). Впрочем, хотя мы и отказались от использования этого термина применительно к нашему материалу, мы будем рассматривать старожильческие общности северо-востока Сибири в широком географическом и историческом контексте. Мы считаем, что для смешанных общностей в циркумполярном регионе и в других частях света характерны многочисленные общие черты. Наш подход, таким образом, и описательный — поскольку мы описываем конкретные общности, и типологический — поскольку мы ищем сходство и различие между подобными общностями в разных частях света.

Процесс, который привел к появлению старожильческих общностей в Северо-Восточной Сибири и в других частях России, тесно связан с расширением Московского государства на восток и на юг от Уральских гор, начавшимся в XVI веке. Русская колонизация громадных просторов Северной Азии стала возможной после того, как остатки Империи Монголов, сдерживавшей Московское государство с юга и с востока, распались либо были покорены. Завоевание Сибири и Дальнего Востока, главным образом в течение XVII века, совпадало по времени с западноевропейской колонизацией обеих Америк (Pagden 1995). С тех пор как в языке историков и обществоведов появилось слово «колониализм», не прекращаются горячие споры о том, применим ли этот термин к тем процессам, которые привели к формированию многонационального Российского государства (ср., например: Osterhammel 1997). Очевидно, что, в отличие от Испании, Португалии, Англии и других стран, России не пришлось пересекать океаны для того, чтобы увеличить размеры своей территории. И тем не менее это

группы, сменившие русский язык на другой, а также русифицированные коренные группы, при этом оба слу-

чая характеризуются высоким процентом смешанных браков.

событие имело последствия, сходные с последствиями открытий в мореплавании, позволившими португальцам и испанцам пересечь Атлантику.

С другой стороны, испанцы и более поздние завоеватели застали на вновь открытых землях общества и культуры, которые не соответствовали их представлениям о человеческих, в то время как российское завоевание Сибири не принесло подобных неожиданностей. Как убедительно показал Андреас Каппелер (Karpeleer 1982), знакомство русских с финно-угорскими и татарскими народами, жившими в среднем течении Волги, помогло им выработать определенные модели взаимодействия с «иноверцами» и «инородцами», которые могли быть легко воспроизведены в Сибири.

Варианты колониальной идеологии и политики в обеих Америках можно попытаться классифицировать в зависимости от конечных целей колонизации. Как пишет Патриция Сид, основной целью британской колониальной политики было приобретение новых земель. С другой стороны, испанцы и португальцы считали своей главной целью в колониях взять под контроль население и его труд. Французская колонизация территорий, составляющих сегодня Юго-Восточную Канаду, имела третью цель: ни обширные лесные массивы, ни их население французов особенно не интересовали. Французской колонизацией двигала возможность приобретения мехов, и последующее возникновение меховой торговли «позволило коренным жителям сохранить контроль над охотничьими угодьями и не перейти на оседлый образ жизни» (Seed 2001: 56).

Российская колонизация северных областей Сибири, пожалуй, более всего напоминает французскую модель. За пределами климатических зон, в которых возможно земледелие, ни земли, ни (рабский) труд не интересовали ни русское государство, ни русских поселенцев. Основной целью были меха, приобретаемые либо путем торговли, либо посредством охоты, либо в качестве налога.

Однако наша цель здесь — не обсуждение того, следует ли рассматривать русскую колонизацию Сибири и Дальнего Востока как сходный или отличный процесс по сравнению с западной колониальной экспансией. Мы используем западные примеры колонизации лишь как фон, на котором удобнее рассматривать специфические характеристики старожильческих общностей в Сибири.